

УДК 821.111-312.9 (73)
ББК 84(7Coe)-44
Т 93

A THOUSAND BEGINNINGS AND ENDINGS

Печатается с разрешения авторов
и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Перевод с английского *Назиры Ибрагимовой*

Дизайн обложки *Екатерины Ферез*

Т93 **Тысяча** начал и окончаний: Новое прочтение азиатских мифов и легенд: [антология] / сост. Эллен Ох, Элси Чэпмен; пер. с англ. Н. Ибрагимовой. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 352 с. — (Все новые сказки).

ISBN 978-5-17-112865-4

Несчастные влюбленные, вмешивающиеся в дела людей небожители, колоритные плуты, битвы мудрецов и страшные предзнаменования — эти элементы сказки, мифа и фольклора притягивали нас на протяжении веков.

И вот теперь пятнадцать блистательных авторов с азиатскими корнями переосмыслили традиционную мифологию своих народов в чарующих, душераздирающих, романтических и страстных рассказах.

Гора теряет свое сердце. Две сестры обращаются в птиц, чтобы избежать плена. Мизантроп, призванный на битву богов, познает истинное значение жертвы. Кавалер, когда-то убитый братьями матери, возвращается с того света, чтобы поухаживать за ее дочерью. Несчастные влюбленные, которым не суждено быть вместе, в последнем объятии становятся бабочками из пепла. Девушка продолжает семейную традицию, помогая неприкаянным душам мертвых обрести посмертный покой.

От классической фэнтези и реализма до научной фантастики, от историй о любви до историй о мести — рассказы, собранные в этой изысканной коллекции Эллен Ох и Элси Чэпмен, очаруют читателей с первых слов.

УДК 821.111-312.9 (73)
ББК 84(7Coe)-44

© 2018 by Ellen Oh, Elsie Chapman
© Н. Ибрагимова, перевод на
русский язык, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ISBN 978-5-17-112865-4

ОТ РЕДАКТОРОВ

Дорогие читатели!

Для одной из нас первой книгой, которую выдал ей библиотекарь, когда она наконец-то набралась смелости и попросила порекомендовать ей что-нибудь, была «Розовая книга сказок» Эндрю Ланга. Для другой единственной книгой, похищенной из библиотеки начальной школы, была книга по мифологии. (Не то чтобы воровать книги хорошо, но теперь она наконец-то готова признаться в этом — спустя тридцать лет, когда школа закрыта навсегда, а вышеупомянутая воровка живет на другом краю света от родного города.)

Мы обе потом запоем прочитали другие мифы: древнегреческие и древнескандинавские, об Аресе и Данае, о Торе и Одине. Мы влюбились в эти мифы о том, как уязвимы могучие боги, как люди становятся героями. Они познакомили нас с мифологией, открыли нам красоту народных сказок и легенд, и поведали о том, что истории о богах и богинях — это также истории о сердцах людей.

Но мы ни разу не встретили подобных сборников, которые были бы полностью азиатскими. И очень часто, когда мы находили легенды Азии, они были пере-

сказаны авторами не-азиатами, и что-то в них было не так. В них всегда чего-то не хватало. В лучшем случае они казались поверхностными, а в худшем — даже обидными. Нам очень хотелось нюансов и тонкости, многослойности, заложенной в мифах правды о культуре, которая — чаще всего — может прийти только изнутри.

Вот почему эта антология так важна для нас. В ней члены азиатской диаспоры заново возрождают свои любимые мифы и легенды Азии со своей собственной точки зрения. Мы бы очень обрадовались, если бы раньше обнаружили в своих любимых библиотеках такую антологию — наполненную персонажами, кожа, волосы и имена которых больше похожи на наши. Этой книги слишком долго недоставало в нашей жизни.

Прекрасные, трогательные, надрывающие душу, блестящие — не хватает слов, чтобы описать, как мы любим все эти сказки. Мы надеемся, что вы тоже их полюбите. Наша мечта сбылась, и нам удалось подарить вам эту книгу, написанную потрясающими писателями, имеющими азиатские корни.

*Элси Чэпмен
Эллен Ох*

Рошани Чокши

ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД

Не доверяйте плодам Марии Макилинг. Если обнаружите, что ваши карманы полны колючих плодов, выбросьте их в окно. Не пробуйте их на вкус. Не гладьте кожуру и не изумляйтесь ее невероятно розовому цвету... не розовому цвету мяса или розовому цвету языка, а деликатному розовому цвету зари, вырывающейся из объятий ночи. Такой цвет не из этого мира.

Наполните карманы солью. Выверните рубаху наизнанку. Скажите Марии, что вы ничего не взяли.

Но когда пойдете прочь, прочтите молитву.

Потому что она не виновата.

Гора не может не смотреть.

Она смотрит с тех времен, когда луна была всего лишь крохотным неспелым плодом, а хранительница склонялась над своим дворцом; с тех пор, как небо еще было таким воспаленным и кроваво-красным, как новорожденный младенец.

Смертные не были красивыми, в том смысле, что у них были приятные черты лица, хотя, конечно, у некоторых лица были приятными. Но, если уж на чистоту, они были красивыми потому, что их можно

РОШАНИ ЧОҚШИ

было видеть только мельком. Они были красивыми, благодаря своей хрупкости, они исчезали быстро, как ледяной цветок под лучами солнца. И то, что они все время менялись, делало их еще более прекрасными.

— Дайанг, — говорил ее отец, глядя вниз из облаков. — Будь осторожна, не высовывайся слишком далеко, не то твое сердце выпадет.

Хранительница горы только смеялась.

Ее сердцу ничего не грозило.

Утверждать, что твоему сердцу ничего не грозит, — это не к добру. Сердца склонны к мятежу. Как только они почувствуют себя загнанными в ловушку, они постараются разорвать путы.

Так и произошло с Марией Макилинг.

Немногие навещали ее, потому что немногие могли вскарабкаться на склоны горы. Вот так *дивата** горы познала одиночество. Это было ощущение недоброжелательного пространства, внезапный холод, возникающий, когда столб солнечного света медленно ускользает прочь. Дивата гадала, что чувствуешь, когда одни и те же руки обнимают тебя каждый день и каждую ночь. Мария меняла любовников, как времена года. Такой обычай у всех диват — точно так же спелый плод не может не падать с дерева, а дождь не может не уноситься дальше.

Однажды дивата пошла к подножию своего склона и выкупалась в маленьком озере. После этого она разложила свои черные волосы сушиться на нагретом солнцем камне. Ее глаза закрылись.

* Так на Филиппинах называют божество или дух. Здесь «дивата» — хранительница, дух горы.

ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД

Она лениво, сонно, двигала руками. Под ее ладонями из земли проклюнулся кустик анемонов и снизу прижался к пальцам. Перед мысленным взором возникло лицо человека, мальчика, с глазами, похожими на ягоды терна, которые забрел на гору несколько дней назад. Он ее не видел, но ее не это удивило. Удивило вспыхнувшее в душе разочарование. Ей захотелось, чтобы ее увидели.

Тихий треск прервал ее мысли.

На смену покою пришла другая тишина. Это была тишина не пустоты, а *намерения*. В ней чувствовалось присутствие живого существа.

Кто-то *намеренно* остановился.

Дивата рывком села прямо.

Там, на лесной прогалине, стоял молодой мужчина, смертный. Он был одет в добротный охотничий плащ и держал в руке нож, но при виде хранительницы горы уронил его. Он опустился на колени и протянул к ней руки.

— Богиня, я умоляю тебя о прощении! — произнес юноша.

Дивата едва удержалась, чтобы не фыркнуть. Нехорошо смеяться над верой. И все же она и сама была еще молода, и не научилась владеть своим лицом. Вокруг нее ветер шелестел листьями.

Юноша поднял глаза и робко посмотрел на нее снизу вверх.

— Я не богиня, — сказала дивата.

Его брови вопросительно изогнулись.

— Разве ты не дух горы?

— Да, это я.

Она подумала о матери, о сестрах — они проводили время, рисуя звезды на небе, устраивая половодье на реках и мечтая о новых существах. Они не были по-

РОШАНИ ЧОҚШИ

хожи на нее, ведь ее обязанностью было заботиться, а не создавать. Гора ничего не имела против: она должна была находиться вблизи того, что для других было лишь далекой мечтой. Она должна была находиться возле людей.

Мужчина встал. Дивата пристально смотрела на него. Его глаза еще не привыкли шуриться от слишком ярких лучей солнца. Волосы были блестящими, цвета воронова крыла, а мускулы гладкими и сильными. Ее сердце, хотя его по-прежнему надежно защищали кости, слегка выглянуло из-за них, из любопытства.

— Тогда прости мою самонадеянность, — сказал он. — Я невольно подумал, что самая прекрасная женщина, которую я когда-либо видел, естественно, должна быть богиней.

Она оттолкнулась от камня и подошла к нему. Его глаза широко раскрылись, брови приподнялись, а губы приоткрылись от удивления. Трепет возбуждения пробежал по телу диваты. Она переплела волосы инеем, как усыпанной драгоценными камнями сеткой, чтобы подобрать черные пряди и открыть крутой изгиб шеи. Ее платье сияло, тонкое и переливающееся, сотканное из тысяч крылышек жуков и из раковин, отполированных до прозрачности. Когда она прикоснулась к нему, он вздрогнул. Ей хотелось прижаться губами к той точке на его шее, где бьется пульс, и потихоньку пить все то, что делает его человеком.

— Я тебя хочу, — просто сказала она.

Глаза человека широко раскрылись. А дивата, хоть она и не могла ни согнуться, ни сломаться, почувствовала, как ее ландшафт покрылся рябью под этим взглядом. Он был первым человеком, который ее уви-

ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД

дел. Одно дело прятаться, быть невидимой и оставаться отдельной, и совсем другое — стоять под его взглядом.

Она потянулась к нему, и он ответил ей тем же.

Дивата любила многих и была любима ими. Но ни один из них не был человеком.

Все было иначе. Горячая кровь струилась под его кожей. В нем горело нетерпение... и дивата рассеянно подумала, не опалит ли оно ее.

Бессмертные не знают нетерпения. Им нет никакой необходимости спешить. Любовные объятия всегда медленные, как текущий мед.

Эти объятия были другими.

И дивате они очень понравились.

— Как тебя зовут? — спросила она, когда они неподвижно лежали на ложе из анемонов.

— Булан, — ответил он.

Речь еще не была вплетена в символы. Она не могла написать имя на его груди пальцем. Вместо этого она произнесла это имя, прижимаясь губами к его запястью, к впадинке за ухом, к шее.

— А тебя? — спросил он, приподнимаясь на локте. Он посмотрел на нее, и она попыталась понять, какие у него глаза. Они были темными. Сияющими. Похожими на черное стекло, которое осталось после того, как вулкан израсходовал свою ярость.

— Ты можешь называть меня Дайанг.

«Принцесса».

Булан улыбнулся.

— Подходящее имя.

Деревня беспокоилась о Булане. Когда он не вернулся с охоты до наступления темноты, поисковые отряды прочесали лес. У подножия горы Макилинг они

РОШАНИ ЧОҚШИ

его нашли. Он широко улыбался, держа в руках грозди фруктов и овощей.

— Должно быть, я потерял счет времени, — сказал он.

Жители деревни испытывали слишком большое облегчение и не заметили, как он грустно улыбнулся, повернув голову и бросив взгляд через плечо, будто забыл нечто драгоценное на склоне горы.

С того самого дня Булан стал проводить все меньше и меньше времени в деревне. Он не разрешал никому ходить вместе с ним в походы на гору Макилинг.

— Слишком опасно, — говорил он. Но в его голосе звучала нотка собственника.

Каждый вечер Булан возвращался с самыми нежными орехами, с ягодами, источающими сок, с плодами, которые мечтали летать, а не падать, и поэтому вытягивали свои зеленые шеи к солнцу и становились еще слаще благодаря своей мечте. Односельчане, хоть и были ему благодарны, но невольно гадали, где Булан проводит столько времени. Только гора отделяла их от других деревень — от деревень, главы которых могли бы удивиться богатству по другую сторону висящего над горой тумана, или от морских владычиц, которые могли бы задуматься, почему такие жирные рыбы обитают у прибрежных отрогов горы. Пусть деревня Булана жила мирной жизнью, но в ней не забывали об осторожности. Несколько молодых парней пыталось подняться вслед за Буланом на гору, но покрывало густого тумана всегда скрывало его, и он пропадал из виду. Словно гора хранила его только для себя одной.

Однако Булан не только получал подарки.

Он и дарил тоже.

Он принес хранительнице горы перо, такое белоснежное, что оно могло соперничать с жемчужинами,

ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД

и вплел его в ее волосы. Он принес раковину в виде идеальной спирали, а в ней звучало эхо мечты, похищенное у моря.

— Я чувствую себя маленьким мальчиком, — однажды со смехом признался Булан. — Я приношу тебе бесполезные, блестящие вещицы, но что еще я мог бы подарить такой, как ты?

К этому моменту прошло уже несколько месяцев. Дивата наслаждалась его обществом. Не только прикосновением его рук и его кожи, но и беседой с ним. Его мечтами. Он больше не казался ей лишь чем-то интригующим. Он совсем перестал быть для нее *вещью*. Когда он уходил, ее сердце так и стремилось вырваться из груди, словно хотело полететь вслед за ним. А когда он возвращался, от ее улыбки весь мир трепетал. Все чаще и чаще она ловила себя на том, что взглядом ищет среди листвы яркую, как драгоценность, полоску его охотничьего плаща. Она искала его, когда он отсутствовал, и тянулась к нему, когда он приходил, и таким образом дивата включилась в ритм, который сама и создала. Любовь казалась деянием богов.

Поэтому, в ответ на вопрос, что он мог бы ей подарить, с ее губ слетел прямой ответ:

— Твое сердце.

Ответом ей было молчание. Булан смотрел на нее, что-то тайно взвешивал — она видела это в его глазах, — но он ничего не сказал. Только легонько поцеловал ее.

— Я вернусь.

Дивата смотрела ему вслед. Она подумала, что он, может быть, не вернется, но на следующий день Булан снова стоял перед ней. В его руке было изящное перо, унизанное бусинками. А под мышкой он держал грубо сотканное платье из полотна и маленький узелок. У него был такой вид, будто он не спал.

РОШАНИ ЧОҚШИ

Когда она подошла к нему, юноша опять распростерся на земле.

— Дайанг, — произнес он. — Мое сердце всегда принадлежало тебе. Но я бы хотел дать тебе больше этого, если позволишь. Я хочу предложить тебе мою руку, мое сердце и дом, мою скромную постель и еще более скромный кров.

Ей не приходило в голову, что Булан тоже может хотеть чего-то. И когда дивата поняла, что он отвечает на ее любовь, в ней вспыхнула великая радость.

Она надела это платье ради Булана, несмотря на то, что нитки врезались в ее кожу, деревянные сандалии натерли ей пальцы ног, а жемчужный гребень расцарапал кожу головы. Она изо всех сил старалась встроиться в эту одежду. А когда он заявил, что она «маганда» — «красавица», и бессмысленное слово превратилось в золото, благодаря алхимии его губ, она улыбнулась. Она надела его обещание на шею.

В ту ночь, когда они занимались любовью, она склонилась над ним. Ее волосы коснулись его лица. Кончик ее ожерелья из пера лег ему на грудь.

Она наклонилась так низко, что у нее выпало сердце.

А она этого даже не заметила.

Когда Булан прижал ее к себе, он заметил что-то в своей ладони. Драгоценный камень, не больше ногтя большого пальца.

— Дайанг, — произнес он.

Это слово по-прежнему означало «принцесса», но уже не казалось официальным. В нем не было важности, только привычная мягкость знакомого смысла.

— Что это? — спросил он. — Это твое?

ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД

Дивата долго смотрела на драгоценный камень.

Таким существам, как она, не нужны сердца. Они легко живут и без них. Сердце имеет значение только в том случае, если они хотят покинуть то место, к которому прикреплена их душа, и которое дает им облик. А дивата, глядя в открытое лицо Булана, не стремилась его покинуть.

— Это мое сердце, — сказала она. Она сомкнула его пальцы на драгоценном камне. — Ты станешь моим мужем, поэтому твое сердце принадлежит мне. А я буду твоей женой, и поэтому мое сердце принадлежит тебе. Храни его.

Дивата и Булан решили, что она спустится с вершины во время весеннего праздника. Тогда они смогут пожениться, и он сможет жить с ней в тайных лесах высоко над деревней, потому что она не может покинуть свой дом.

Но Булан хотел сделать свою свадьбу особенной. Он хотел, чтобы все увидели, как прекрасна и добра его жена, какое счастье для него ее присутствие. Он хотел, чтобы их праздник был грандиозным, достойным Дайанг.

Дивата провела пальцем по тревожным морщинкам в уголках его рта.

— Что тебя тревожит, любовь моя? — спросила она.

Булан покраснел.

— Ах, Дайанг, как бы я хотел устроить для тебя торжественный праздник. Достойный тебя. Но у меня нет средств.

Гора знала, что Булан никогда не примет от нее золота, но она хотела, чтобы он был счастливым, и поэтому...

Она его обманула.